

Раздел 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В СФЕРЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

В. К. БАКШУТОВ

Уральский университет

ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

Одним из основных условий формирования и развития творческих способностей человека является духовный климат общества, господство той или иной религиозной, идеологической или философской системы. В XX в. произошло существенное сужение влияния религиозной идеологии на жизнь и деятельность человека и значительно расширилась сфера воздействия философских идей на мысли, поступки и поведение человека. А так как «философия есть точно так же современная ей эпоха, постигнутая в мышлении»¹, то ее развитие выражает объективный творческий процесс самой действительности во всех ее проявлениях. В то же время догматизация философских систем не только снижает, но и убивает творческие способности всех субъектов творчества — от отдельного человека до политических партий и государства. Отсюда вытекает важность изучения творческой природы философии и причин ее догматизации, превращения в разновидность рационализированной светской религии или бюрократического идеализма, который разрушает творческие способности как отдельных лиц, так и целых наций.

1. Творческое развитие философии

Творческая философская мысль в современном мире выступает не только в виде духовной quintessence эпохи, но и в качестве важного инструмента духовного возрождения человека как цельной, универсальной и творчески-деятельной личности. В этих условиях вопрос о месте философии в развитии творческих способностей человека и общества может быть правильно поставлен и решен только с позиций единства философского знания и его творческих интегративных функций.

Всякой философии присущи три момента, выражающие ее основные интегративные функции: онтологическую, гносеологическую

и антропологическую. Соотношение между этими моментами, как и содержание этих функций существенно изменяется на каждом крутом повороте человеческой истории, особенно в эпохи ломки старых мировоззрений и формирования новых философских и идеологических систем. Даже беглый взгляд на историю развития философского знания позволяет увидеть, как менялось соотношение между этими тремя моментами. На каждом этапе развития философии доминировал, как правило, один из этих моментов, другие же были всецело подчинены ему. Доминирующий момент брал на себя основную тяжесть развития философского мышления и выполнял творческую функцию философского знания. Это видно на примере истории западноевропейской философии.

Вся раннегреческая философия (милетская школа, пифагорейский союз, Гераклит, элеаты, Эмпедокл, Анаксагор, Левкипп и Демокрит) была занята поисками субстрата, всеобщей субстанции, единой сущности, выяснением сущего в космосе. *Онтологический* момент здесь явно доминировал, гносеологический — едва был намечен, антропологический, доставшийся в наследство от мифологического мышления, хотя и сохранял некоторые позиции, например, в золотых стихах Пифагора, но уже не доминировал. *Онтология* здесь исчерпывала почти все философское знание. В ней было выражено творческое начало нерасчлененного единства научного и философского знания эпохи.

Софисты и Сократ отходят от онтологической традиции, переходят от созерцания макрокосмоса к исследованию духовного мира человека. Творческая доминанта философского знания перемещается в сторону *антропологии* и аксиологии. Платоновская эйдология в какой-то мере продолжает онтологическую традицию, но учение Платона об идеях развивает созданную Сократом аксиологическую тенденцию и закладывает первый камень в фундамент философской гносеологии. У Аристотеля уже доминирует *гносеология*. Но гносеологизм в философии, как и гностицизм в христианстве, не смог завоевать и тем более сохранить сколько-нибудь долго доминирующее положение. Эпикуреизм, стоицизм, скептицизм, неоплатонизм как на греческой, так и на римской почве ядром своей философии имели антропологическую ориентацию. Но почти вся средневековая философия (от Лактанция и Августина до Декарта), развивая эйдологию Платона, имела явно онтологическую ориентацию. Оправдан ли был этот онтологический акцент в средневековой философии? Да, исторически он был оправдан. Только здесь философия могла отвоевать себе кусочек для самостоятельной творческой рефлексии. Философская антропология заострилась на уровне римского стоицизма и оказалась пленницей церковного догматизма. Гносеология и конкретные науки находились еще в зачаточном состоянии. Поэтому именно *онтология* выполняла главную творческую функцию в философском знании в средние века.

Положение резко меняется в XVII — XVIII вв. Уже Декарт начинает рассматривать онтологическую проблематику сквозь призму теории познания. Кант решительно критикует онтологические устремления прежней философии. Гегель же не оставляет места для онтологии в своей философской системе. Во введении к «Большой логике» он писал, что «объективная логика непосредственно занимает место онтологии — той части указанной физики, которая должна была исследовать природу сущего вообще»².

В XIX в. онтология окончательно утратила свою доминирующую творческую роль в системе философского знания. Поэтому она и не нашла места в системе диалектико-материалистической философии. Со всей определенностью этот факт был отмечен Ф. Энгельсом, который писал, что «современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой становится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»³.

Ф. Энгельс, В. И. Ленин исключали онтологию из системы философского знания не потому, что были слепыми гегельянами, а потому, что были зрячими, далеко видящими вперед диалектиками. Онтологический момент утратил свою доминирующую роль в системе философского знания не по капризу Канта и Гегеля, а в силу имманентного творческого развития самой философии, чтобы оставаться духовной квинтэссенцией новой эпохи, в условиях бурного развития положительных, конкретных наук о природе и обществе, которые сменили онтологические блуждания прежней философии точным естественнонаучным и социальным знанием не только о частных сторонах действительности, но и о мире в целом. Как справедливо писал П. В. Копнин, «любая наука так или иначе рассматривает мир в целом»⁴.

Всякие попытки оживить онтологию, поставить ее в один ряд с гносеологией или антропологией — это попытки с негодными средствами. Они ориентируют нашу философскую мысль не вперед, а назад, к изжившим себя формам единства философского знания, и объективно затрудняют диалектико-материалистической философии выполнение ее творческой функции в системе современного научного знания. Такое оживление онтологии в марксистской философии уже имело место в 30—40-е гг. В разделе о диалектическом и историческом материализме «Краткого курса истории ВКП(б)» первая черта материализма трактовалась как учение о материи или о мире в целом. Этим была отдана дань прежнему онтологическому

подходу к единству философского знания. Не употребляя самого слова онтология, философы горячо взялись за ее восстановление. Каков результат этих горячих и вполне искренних стремлений втиснуть в прокрустово ложе онтологического мышления научное знание в середине нашего века, известно каждому. Попытка насильственной интеграции наук не удалась. Объединить науки на основе догматических схем, выработанных в лоне онтологического мышления, оказалось невозможным. Все, что выходило за пределы этих догматических схем, онтологически мыслящие философы объявили лженаукой: и кибернетику, и генетику, и теорию резонанса, и даже теорию относительности. Но на поверку лженаукой оказалась не кибернетика и не генетика, а анонимно онтологизированная философия. Этим вовсе не зачеркивается вся философская мысль 30—40-х гг., но из песни слова не выкинешь — что было, то было.

Этот урок наглядно показал, что онтология не может играть в системе диалектико-материалистической философии не только доминирующую, но и сколько-нибудь серьезную творческую, конструктивную роль. Онтологические блуждания, вместо того чтобы содействовать творческой интеграции современного научного знания, толкают философов на путь схоластического теоретизирования, заставляя исходить из абстрактных схем, рожденных в стороне от магистрального пути развития научного знания.

Онтологические блуждания в нашей философии не закончились до сих пор. Более того, в последнее время они обрели «второе дыхание». Вынашиваются планы создания марксистской философии как системы онтологического знания. Выпячивание онтологического момента в марксистской философии объективно ведет к реставрации донаучных философских представлений, когда кибернетика и генетика объявлялись лженауками, а «диалектика» Т. Д. Лысенко непогрешимой наукой, образцом науки и философии. На пути молчаливой онтологизации сложился философский догматизм 30—40-х гг. Сейчас сторонники онтологизации открыто и громко заявляют о своей приверженности к онтологическому моменту в системе философского знания и требуют создания марксистской онтологии. Это делает им честь, но не делает их позицию научно оправданной. Научно она не более оправданна, чем «диалектика» Т. Д. Лысенко, хотя, конечно, уровень аргументации иной, время иное, но общая тенденция развития мышления остается той же самой — дедуктивно-телеологической, идущей от общей, заранее созданной вне науки схемы (нечто вроде мировой схематики Е. Дюринга).

Ответ на основной вопрос философии: каков мир и как он познан? — диалектико-материалистическая философия может получить не с помощью новой онтологии, а на основе современных конкретных наук о действительности и ленинской теории отражения, которая выражает собой ядро новой философии — диалектику, ло-

гику и гносеологию. Это ядро выступает в качестве ведущего момента творческого развития современного философского знания и является главным методологическим рычагом творческой интеграции современных наук. В наше время творческое приращение философских знаний идет уже не за счет онтологической схематики, а за счет современной науки и научной диалектики, которая по своей природе противоположна не только метафизике, но и всей прежней онтологии. Современная онтология, если уж она так необходима,— это совокупность мировоззренческих выводов всех конкретных наук о природе, обществе и мышлении. Именно наука позволяет диалектико-материалистической философии правильно ответить на вопрос: *каков мир?* Вне этого всякие поиски особой философской онтологии — это поиски вчерашнего дня в развитии науки и философии.

Деление философского знания на онтологическое и гносеологическое теперь уже несостоятельно в своей основе, ибо онтология в лучшем случае может гальванизировать старые и изжившие себя философские идеи, но она органически неспособна творчески породить *новое* знание. Приращение нового философского знания в лоне диалектико-материалистической философии всецело осуществляется за счет триединого ядра, состоящего из диалектики, логики и гносеологии. Онтология же не только противоречит требованиям современной научной диалектики, но и препятствует развитию творческих интегративных функций современной философии, выступает гносеологическим основанием догматизма и начетничества, создает условия для отрыва философии от науки. Стронники создания марксистской онтологии не хотят или не могут видеть этого. Научная диалектика и ленинская гносеология решают эту проблему, поднимая знамя прогресса философского знания, выброшенного за борт метафизикой и онтологией.

Исторически онтология займет в системе диалектико-материалистической философии такое же место, что и гностицизм в философии раннего христианства: и здесь и там апелляция к архаическим формам мировоззрения с той только разницей, что гностики обращались к изжившим себя эмбриональным формам античной гносеологии, а современные онтологи апеллируют к перезревшей в течение двух тысячелетий онтологической стороне философского знания. Идеи гностиков оплодотворяли средневековую философию и возродились в философии Нового времени. Идеи современных онтологов ничего не возрождают, они пытаются оживить и реставрировать мертвые догматические схемы метафизического мышления прежней эпохи. Гностицизм выступал против онтологического догматизма средневековой философии, современный онтологизм объективно направлен против ядра диалектико-материалистической философии, выполнявшего главную творческую функцию в развитии современных наук. У гностицизма впереди было возрождение,

у онтологизма впереди могут быть только различные формы реставрации.

Современная научная диалектико-материалистическая философия не может возвратиться к онтологии как наука, не может вернуться к мифотворчеству. Но научная философия уже прочно осуществила «возврат якобы к старому» онтологическому основанию, используя достижения конкретных наук о природе и обществе для построения цельного философского мировоззрения.

Поиск творческой природы философского знания неизбежно упирается в поиск единого предмета диалектико-материалистической философии. В философской литературе существует множество различных определений предмета философии. Не перечисляя эти определения, хочу сказать, что предмет диалектико-материалистической философии — это не учение о бытии или о мире в целом, это не учение о познании мира и не учение о человеке, как иногда принято считать. Но это учение об *отношении* человека к миру и к самому себе. Это учение содержит онтологический, гносеологический и антропологический моменты, но не сводится ни к одному из них, ибо содержит нечто такое, что выходит за пределы каждого из этих моментов. Этим нечто является *ценностное отношение* человека как к миру в целом, так и к любой его микроскопической части, даже к слезинке ребенка, как это прекрасно показал Ф. М. Достоевский. Силой художественного чутья он шел в том же направлении, в котором развивалась диалектико-материалистическая философия.

Иногда говорят, что предмет философии — субъектно-объектные отношения. Это не совсем точно, хотя здесь много верного. Предмет философии — это учение о *ценностном отношении* человека как субъекта, а также других субъектов — партии, государства, человечества — к человеку, миру, себе и другим субъектам. Почему эти отношения нельзя назвать субъектно-объектными? Потому что объекты, как и животные, не способны к чему-либо относиться как к ценности и поэтому не могут иметь своей философии. Ценностные отношения, как и философия, привилегия субъекта — человека, партии, государства, человечества.

Некоторые исследователи, загипнотизированные легкостью и простотой онтологического подхода к определению содержания философских знаний, говорят об отношениях субъективного и объективного, мышления и бытия как об единственном предмете философии на всем протяжении ее развития. Но, во-первых, предмет философии постоянно изменялся и в ходе творческого развития философского знания наполнялся новым содержанием. Во-вторых, отношения субъективного и объективного, мышления и бытия — это не философия, а сама объективная реальность. Поэтому Ф. Энгельс, рассматривая основной вопрос философии, говорит не об отношении мышления и бытия, а «об отношении мышления к бытию»⁵.

Предмет философии — не отношение как таковое, а учение о *ценностном отношении* человека к человеку, обществу и миру в целом. Онтологическая ориентация в определении предмета философии является данью старым традиционным представлениям о философии как о форме чисто рационального постижения явлений окружающего мира. Но старый, традиционный взгляд на философию как на царство чистого разума уже изживает себя. Все чаще и чаще раздаются голоса в защиту философии, включающей в себя не только объективное знание о мире, но и ценностное отношение человека к этому знанию, в защиту философии, которая содержит в себе как истину, так и ценность.

С падением прежней роли религиозного мировоззрения и развитием науки философия больше привлекает к себе людей не тем, что она объясняет «мир в целом», а тем, что может выступать в качестве орудия духовного жизнетворчества. Философское жизнетворчество из причуды отдельных лиц становится духовным стремлением все более широкого круга людей. Максима жить по высшим принципам, выработанным мировой философской и этической мыслью, привлекает людей, чаще всего далеких от официальной рационализированной философской системы. Профессиональные же философы, не следующие в жизни тем мыслям, которые проповедают, становятся резонерами, наподобие греческих софистов. Наукой сегодня может быть только такая философия, в которой доминирует творческая роль *ценностно-антропологического момента*, а онтология и гносеология подчинены аксиологии. Характерное для классической русской и китайской философии преобладание нравственно-антропологического начала сегодня берет на себя основную роль в развитии творческих способностей не только в философии, но и в науке. Утрата же творческого аксиологического момента превращает философию в науку «без нравственных основ»⁶, которая сама не способна к творческому развитию и является тормозом развития творческих способностей человека. Такая «философия» в последние годы получила наименование «бюрократический идеализм». Вырастая на основе абсолютизации онтологического момента в философском знании, «философия» эта становится разновидностью рационализированной светской религии.

2. Философия бюрократического идеализма

В специальной философской литературе и публицистике последних лет нет недостатка в признании бедственного положения в развитии философских наук. Правомерными являются упреки в отрыве от жизни, схоластическом теоретизировании, говорится о превращении философии «в служанку политики, иногда высокопоставленную, но служанку»⁷. Справедливо отмечается, что если не преодолеть общего застоя в обществоведении, то философия «оста-

нется служанкой административной бюрократии, философией „чего изволите?“»⁸. Из духовной опоры общества, из силы, пробуждающей народ к активной творческой деятельности, она превращается в духовный наркотик, усыпляющий человека, подтачивающий его творческие силы, его веру в коммунистические идеалы.

Закон физики гласит, что можно опираться только на то, что оказывает сопротивление. И партия коммунистов может успешно опираться только на такую философию, как, впрочем, и литературу, которая способна оказать сопротивление натиску бюрократов с их амбициями и претензиями на всесилие и всевластие. Философия и литература «чего изволите?» неизбежно ведут народ к духовной спячке, а общество — к застою. «Философия» эта обосновывает волюнтаристский, административно-директивный метод руководства обществом. Характеризуя такую «философию», М. Ф. Антонов пишет: «Бюрократический идеализм необыкновенно живуч. В наши дни он поддерживается отраслевой системой и административными методами управления, которым вполне соответствует „метод философского обоснования“ волюнтаристических решений цитатами, надерганными из произведений классиков марксизма-ленинизма»⁹. Философия бюрократического идеализма и административно-бюрократическая система — это не два рядом стоящих явления, а две стороны одного — троцкистского, маоистского и полпотовского казарменного социализма, лишённого человечности и творческого духовного начала.

Слепая вера в абстрактные понятия и категории философии бюрократического идеализма более бесчеловечна, чем вера в бога или культ личности. Оправдывая во имя «высших», якобы государственных интересов процентоманию и очковитирательство в школах, вузах и науке, такая «философия» способствует подготовке функционально неграмотных, лишённых совести и творческих способностей «специалистов». А потом такие «спецы», воспитанные на отвлечённых идеях, безжалостно губят природу, культурные и исторические памятники, во имя выполнения плана раскрываемости преступлений сажают в тюрьму и ставят к стенке невинных людей. Поднимаясь на более высокую ступень бюрократической иерархии, эти «спецы» создают систему круговой поруки, взяток и страха перед своим всемогуществом, как это происходило в Узбекистане, Казахстане и некоторых других регионах страны. Философия бюрократического идеализма тесно связана с практикой, но не с практикой творческой, созидательной деятельности, а с антисоциалистической практикой, деструктивной деятельностью; она формирует не творческие способности, а способности к разрушению.

Философия бюрократического идеализма представляет собой, по сути, старый теологический способ мышления, известный религиям всех времен и народов. Этот способ прямо противоположен научному. Научный способ мышления по своему методу является

индуктивно-дедуктивным, идущим от частного к общему, а потом от абстрактного к конкретному, а теологический способ мышления является односторонне-дедуктивным, идущим только от общего к частному. Его основой является не живой человек с его материальными и духовными жизненными потребностями и интересами, а отвлеченные понятия: фетиш, душа, бог, мировой дух, абстрактно понятая природа, материя, идея, государство — и любая другая пусть менее общая абстракция.

Критикуя такой способ философского мышления, А Шопенгауэр писал: «Если в наглядном представлении призрак искажает действительность на миг, то в отвлеченном заблуждении может царствовать тысячелетия, налагать на целые народы свое железное ярмо, дошить благороднейшие побуждения человечества и даже при помощи своих рабов, своих обманутых, заключать в оковы тех, кого оно не в силах обмануть. Оно — тот враг, с которым поддерживали неравную борьбу мудрейшие люди всех времен; и только то, что они отвоевали от него, сделалось достоянием человечества»¹⁰. Против дедуктивно-теологического способа мышления решительно выступал известный русский мыслитель и революционер М. А. Бакунин: «Из всех деспотизмов деспотизм доктринеров или религиозных вдохновителей есть наихудший. Они так ревностно относятся... к торжеству своей идеи, что в их сердце не остается больше места ни для свободы, ни для достоинства, ни даже для страданий живых людей, реальных людей... Общая идея всегда есть отвлечение и по этому самому в некотором роде — отрицание реальной жизни»¹¹.

Борясь с теологическим способом мышления, идеалистической диалектикой Гегеля, В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» ставит перед философами задачу «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения»¹². Однако вместо материалистического прочтения Гегеля обществоведы, ответственные за развитие советской философии после смерти В. И. Ленина, организовали изучение философии Гегеля с позиций бюрократического идеализма, приспособив гегелевскую диалектику к нуждам и потребностям бюрократии. От механического замещения гегелевских понятий «мировой дух», «всеобщий государственный интерес» категориями «материя», «общенародное социалистическое государство» идеалистическая диалектика Гегеля не могла перерасти в материалистическую, ибо в основе философского метода оставался прежний дедуктивно-теологический способ мышления с его абсолютизацией роли общих понятий, презрением к конкретным явлениям и реальному, живому человеку, который рассматривается как «винтик», как объект, как исполнитель чужой воли, но не как субъект, творец своей жизни и создатель того общего, что именуется государством, обществом, цивилизацией.

Как и почему в нашем обществе возникает и распространяется

такая «философия»? Сегодня в условиях революционной перестройки социалистического общества это уже не вопрос для академических узкокошевых споров «профессионалов», а вопрос социально-практический. Ибо если идеологам застоя удается сохранить этот старый, средневековый способ теологического мышления в философии и закрепить его в сфере, занятой развитием творческих способностей, то наше общество вынуждено будет вернуться к средневековым темпам духовного развития.

В первые годы советской власти сторонники механистических идей в философии критиковали диалектику Гегеля не с позиции диалектико-материалистической философии, а позитивистски, отрицая философию как науку, игнорируя ее значение для развития естествознания. «Философию за борт!» — так называлась одна из работ С. Минина, опубликованная в 1922 г. В 1929 г. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений в своем решении отмечала, что механицизм подменял «революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм — позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания»¹³. Механицизм в философии критикуют А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол, Я. Э. Стэн и другие философы — представители так называемого «меньшевиствующего идеализма». Но объективно эта критика была направлена на отрыв философии «от актуальных задач социалистического строительства»¹⁴, как признавал сам А. М. Деборин. Недооценивая ленинское философское наследие, группа А. М. Деборина в то же время дает формалистические трактовки диалектики, близкие по своему содержанию к идеалистической диалектике Гегеля. Но, несмотря на идеалистические уступки, это все же была еще *самостоятельная* философская мысль, а борьба «механицистов» и «меньшевиствующих идеалистов» в основном была еще честным философским поиском истины.

В это же время между двумя философскими направлениями незаметно складывается третье, которое представляли М. Б. Митин, В. Ф. Ральцевич, М. Д. Каммари, Н. А. Скрыпник, П. Ф. Юдин, Е. М. Ярославский и некоторые другие философы и партийные деятели. Представители этого направления, критикуя деборинцев за отрыв от жизни, от практики социалистического строительства, установили весьма своеобразную связь с практикой. В их работах все больше начинает преобладать дедуктивный способ доказательств, теологический способ *оправдания* политической практики. Так зарождается философия бюрократического идеализма. Особенно быстро она начинает развиваться после 1928 г., когда идеи троцкизма под звуки фанфар об их преодолении начинают лихорадочно внедряться во все сферы общественной жизни. В 1933 г. под редакцией М. Б. Митина вышел учебник «Диалектический и исто-

рический материализм», где изложение философских проблем всецело было построено по дедуктивно-теологическому, чисто библейскому методу: от общего к частному, от законов и категорий к жизни. Философия была жестко разделена на диалектический и исторический материализм, последний стал рассматриваться лишь как распространение диалектического материализма на общественную жизнь.

В 1938 г. под напором темной оравы «философов» дедуктивно-теологический способ философского мышления был санкционирован И. В. Сталиным. С тех пор наша философия на целых полвека была превращена в значительной своей части в разновидность светской религии, бюрократический идеализм, в существовании которого было заинтересовано сталинское и брежневское окружение и каждый «винтик» бюрократической системы. Отныне речь идет уже не о том, что есть философская истина, а только о том, как служит та или иная философская идея интересам бюрократической системы, оправдывает ли действия администратора и производ бюрократа. Дедуктивно-теологическое мышление в философии было особенно удобно для оправдания политической практики в годы культа личности и в период застоя. В те времена не было такой глупости в политике, которая бы не находила себе идеологического оправдания и «философского» обоснования. Но наиболее ощутимый ущерб философия бюрократического идеализма нанесла развитию творческого мышления и творческих способностей человека.

3. Разрушение творческих способностей

В отличие от прежних философских систем, доступных узкому кругу лиц и привилегированным слоям, официально исповедуемая у нас марксистская философия, превращенная в философию бюрократического идеализма, воздействует на умы многих миллионов людей. Но воздействие это носит не столько созидательный, сколько разрушительный характер. Философия, лишенная нравственного, антропологического и аксиологического начал, оказалась в тупике. Ориентированная на голый рационализм, она не способна содействовать развитию творческих способностей личности. Дедуктивно-теологический способ мышления в любой системе идей порождает догматизм и талмудизм. «Надо набраться смелости и признать,— пишет М. Ф. Антонов,— что мы создали систему марксистской философии, которую принципиально невозможно развивать дальше,— не случайно в ней за 150 лет не открыто ни одного нового закона, не введено ни одной новой категории»¹⁵. Творческое развитие современной философской мысли невозможно без ориентации на духовный мир человека. Онтологизированный диалектический материализм, ориентируя человека только на внешний, природный и

социальный, мир, неизбежно ведет к позитивизму и сциентизму. Поэтому философские системы Л. Толстого, М. Ганди, А. Швейцера, П. Тейера «выглядят более современными, чем диалектический и исторический материализм в современной его форме»¹⁶.

Лишенная духовного начала, философия бюрократического идеализма разрушает творческие способности во всех сферах и на всех уровнях интеллектуальной деятельности — от школьника до академика. Уже в пятидесятые годы некоторые ученые говорили, что раньше развитию науки мешала религия, теперь — философия. Результатом этих помех является устойчивая тенденция к снижению оригинальных идей и открытий в советской науке в последние десятилетия. По свидетельству видного советского специалиста по теории творчества А. Т. Шумилина, «на протяжении многих лет (с 1965 г.) количество и качество изобретений в нашей стране... не растет, а даже снижается. Число же инженеров и ученых растет. По числу инженеров мы превосходим Японию, США и ФРГ, вместе взятые. Число научных работников — 1/4 часть всех ученых мира. По числу же и качеству изобретений резко уступаем им. Только 0,3 % советских изобретений не имеют аналогов в мировой практике, только 1,5 % составляют принципиально новые изобретения!»¹⁷.

Особенно низок коэффициент оригинальных научных идей в общественных науках. Известный советский науковед академик Б. М. Кедров проанализировал репрезентативно сделанную выборку авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по философским наукам в Уральском университете в 70-е гг., и пришел к выводу, что только одна из 20 диссертаций содержала какие-то оригинальные идеи, а 15 — не имели никакой научной ценности. Уровень научности философских работ из года в год снижается. Не лучше ситуация и в экономических науках. Как пишет М. Ф. Антонов, наши академики-экономисты на протяжении последних десятилетий оказались научно бесплодными людьми, не выдвинули ни одной творчески-созидательной идеи¹⁸. Науковеды и специалисты по теории научного творчества ищут причины кризиса творческого мышления главным образом в ошибочных методиках научного творчества, в слабой теоретической подготовке, в *отсутствии творческих способностей* ученых. Но эти причины сами требуют объяснения; они имеют одну общую причину, которую можно определить как нарушение принципов социального равенства и социалистической справедливости в распределении таких духовных ценностей, как высшее образование, научная работа, литература, искусство, философия, журналистика.

Недавно в печати были опубликованы такие цифры. В нашей стране русские, составляющие более половины населения, имеют на 1000 человек 17 лиц с высшим образованием. А народ, составляющий 0,69 % населения, имеет на 1000 человек 600 лиц с высшим

образованием¹⁹, и его представители составляют 44 % всех докторов и кандидатов наук в Советском Союзе²⁰. Такого неравенства, такой несправедливости в распределении знаний не знает ни одна страна в мире.

По данным современной науки, природные задатки распределены равномерно между всеми классами, слоями и народами. Но нет абсолютного равенства между людьми. По расчетам польских социологов, только 30 % людей по своим природным задаткам способны закончить высшие учебные заведения и успешно овладеть высшей квалификацией²¹. Следовательно, из 600 дипломов, приходящихся на 1000 человек, только *половина* может являться *полновесной*. Другая же половина оказывается в руках людей, которые не смогут полноценно овладеть высшей квалификацией. Вручая им неполновесные дипломы об окончании вузов, государство вынуждает их поставлять обществу бездарных ученых, писателей, поэтов, философов и функционально неграмотных специалистов, которые не только не могут обеспечить равенство с наукой и техникой США, Японии или ФРГ, но и обрекают отечественную науку на застой, а общество — на постоянные экономические и технические кризисы и катастрофы.

Трагедии Чернобыля, Арала, Волги, российских деревень, все экологические и экономические беды, переживаемые страной, не только результат сознательного вредительства²², но и следствие функциональной неграмотности, *отсутствия творческих способностей*.

Псевдоученые кланы могут почти любого человека сделать доктором, академиком, но сделать его творчески мыслящей и интеллигентной личностью они не могут, да и не хотят. На долю русских, составляющих более 50 % населения страны, приходится менее 25 % кандидатов, докторов и академиков. Но это только явная часть грабежа способностей народа. Куда более опасно скрытое разрушение творческих способностей нации. В состав 25 % русских кандидатов, докторов и академиков часто допускаются не лучшие, наиболее способные и самостоятельно мыслящие ученые, а худшие, кто вынужден служить не науке, а псевдоученым кланам, которые зорко охраняют свою монополию в науке на всех ступенях ученой иерархии от подбора абитуриентов до выбора академиков. Вот в чем причина того, что только 0,3 % советских изобретений не имеют аналогов в мировой практике.

Философия бюрократического идеализма безразлична к истине и как огня боится правды, справедливости и совести человека, ибо при свете научной истины ее концепции, законы и «системы» лопаются как мыльный пузырь. Кто сегодня верит в концепцию «развитого социализма» и мифы семидесятых годов о социалистическом образе жизни?

Дипломированное мещанство в условиях авторитарного режима

может благоденствовать только в виде кланов тунеядцев, получающих пожизненную ренту за свои высокоценные дипломы и аттестаты и поставляющих обществу «образованный мусор». Получившие диплом по благу вряд ли обретут способность генерировать новые творческие идеи и быть примером философской совести для людей, которым они будут преподавать философию. В погоне за дипломом разрушаются творческие способности и человеческая совесть. В этом состоит главная причина продолжающегося падения творческой продуктивности советской науки.

Блок дипломированного мещанства и бюрократии разрушает творческие способности так же и тем, что создает искусственные препятствия для развития способностей русского и других народов нашей страны. Если опираться на упомянутое выше исследование польских социологов, то 283 русских из 1000, имея необходимые природные задатки для окончания вуза и овладения высшей квалификацией, проходят мимо высшей школы. Следовательно, только *один человек из шестнадцати* реализует свои природные задатки, а пятнадцать — вынуждены зарывать свои таланты в землю. В сравнении с этим массовым истреблением талантов и способностей русского народа меркнет даже глобальный грабёж нефти, газа, леса и других природных богатств России. Таких масштабов разрушения творческих способностей народа не знает ни одна цивилизованная страна. Даже американские негры в этом отношении находятся, видимо, в лучшем положении, чем русские в СССР.

Сегодня, когда главное богатство общества перемещается из сферы производства вещей в область развития способностей человека²³, нарушение социального равенства в распределении высшего образования грозит обществу не только разрушением творческих способностей одной нации, но и всеобщей стагнацией, ибо в мире никогда не было более косной силы, чуждой всякому творческому созиданию, чем дипломированное мещанство, вырастающее на почве социального неравенства в распределении высшего знания и философии бюрократического идеализма.

¹ Гегель. Философия права // Соч. Т. 7. М.; Л., 1934. С. 16.

² Его же. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 118.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 25.

⁴ Копнин П. В. Введение в гносеологию. Киев, 1966. С. 11.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 283.

⁶ Антонов М. Перестройка и мировоззрение // Москва. 1987. № 9. С. 162.

⁷ Шинкарук В. И. Философия, перестройка, политика // Вопр. философии. 1987. № 12. С. 46.

⁸ Смоляков Л. Я. Об общественной роли интеллигенции в современной перестройке философской науки // Вопр. философии. 1987. № 12. С. 56.

⁹ Антонов М. Указ. соч. С. 159.

¹⁰ Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1900. С. 36.

¹¹ Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 475—476.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30.

